

фантастическая
история

Книги Дмитрия Старицкого
в серии «Фантастическая История»

ФЕБУС. ПРИНЦ ВИАНЫ
ФЕБУС. ЛОВЕЦ ЧЕЛОВЕКОВ

МОСКВА, 2014

фантастическая
история

Дмитрий Старицкий
Фебцс.
Ловец челоуеков

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С77

Серия основана в 2010 году
Выпуск 94

Старицкий Д.

С77 **Фебус. Ловец человек**: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 313 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1809-1

Старик-музейщик в результате автокатастрофы оказался перенесенным в пятнадцатый век, в тело принца Фебуса, наследника престола Наварры — небольшого, но стратегически очень важного горного королевства между Францией и Испанией. Старый тихий интеллигент, одинокий, больной и никому не нужный, превратился в молодого, красивого предводителя народа васконов, авантюрного «ловца человек» на свою службу, собирателя земель, завоевателя городов, покровителя промышленности, наук, искусств и покорителя женских сердец.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1809-1

© Дмитрий Старицкий, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

Глава 1

АССАСИНЫ И НЕИСТОВЫЕ ШЕФФЕНЫ

Гостиница нас встретила не только новой вывеской — две золотые короны на красном поле, но и неожиданно полной иллюминацией двора посередине ночи. Факелы откуда только не торчали, заливая округу относительно ярким светом.

Мы еще не доехали до ворот, когда нас грубо окрикнули и под прицелом арбалетов заставили опознаться. Только после этого воротные створки нехотя стали раскрываться.

Что такого с вальяжными кантабрами могло случиться, что они службу несут как в образцовом кремлевском полку?

Когда наш эскорт ускакал обратно в герцогский замок, а за нашей кавалькадой захлопнулись ворота постоянного двора, подбежал дежурный по расположению сьер Вото. Подождал, пока мы спешимся и доложил:

— Ваше высочество, ваша светлость, пока вы отсутствовали, некие неизвестные, числом три, попытались убить мэтра Уве. Силами караула эта попытка была пресечена. Один нападавший убит. Двое взяты в плен. С нашей стороны убитых и раненых нет.

— Хвалю за службу, — сказал дон Саншо. — Пленные где?

«Ну да, — подумал я, — все правильно: его человек — ему и хвалить».

— Пленные связаны и помещены под замок в винный погреб. Сейчас для них строгают колодки. — Выражение лица сьера Вото с виноватого постепенно переливалось в довольное. Для служивого часто похвала важнее жалованья, тем более для того, кто служит из чести и вассального долга.

— Давай их в ванной комнате допросим, — предложил я дону Саншо. — В крайнем случае ее отмывать легче.

— Дело говоришь, — согласился кантабрийский инфант.

— Сьер Вото, а что с мастером Уве? — проявил я беспокойство за своего человека.

— С ним все в порядке, ваше высочество, — ответил мне рыцарь, — помяли немного, а так он здоров и даже ран нет. Его же не резать собирались, а вешать.

«Вешать? Это точно Фема его порешить попыталась», — догадался я. Добрались-таки неистовые шеффены из города Малина до ШТриттматера. Но здесь вам не там. Здесь, пока я тут стою, моя юрисдикция.

И это уже МОЙ мастер.

Пленного, связанного по рукам и ногам, кинули на пол под балкой в ванной комнате. Кантабрийские стрелки длинную веревку от его связанных рук перекинули через матицу и, натянув ее, рывком поставили этого дойча вертикально. Относительно вертикально, конечно, так как сам он стоять не мог — его сильно стрелки избили, когда захватывали.

Хозяин, не доверив слугам, лично принес нам в помывочную табуреты, стол и дополнительные масляные светильники, кидая взгляды, напоенные страхом, то на пленника, то на меня, сидящего в углу, так и не снявшего ни мантии, ни короны, ни орденой цепи, держащего кисти рук на эфесе поставленного между ног меча. По виду почтенного буржуа можно было без труда прочитать, что он уже раскаялся в том, что пустил нас к себе на постой. Но куда уже теперь деваться?

— Мэтр, еще жаровню с углями и вертел для жаркого, — приказал дон Саншо.

В глазах ресторатора промелькнул не страх даже, а ужас. Но выдержка у человека железная. Интересно, это профессиональное качество или личное?

— Но если жалко вертел, — пошел я навстречу той жабе, которая сквозь страх стала душить мэтра (кованый вертел — вещь дорогая), — то каких-нибудь совсем не нужных в хозяйстве железок. Мы заплатим.

Мэтр испарился, а дон Саншо со вкусом стал распекать своих военных.

— Вы бы хоть сначала раздели этого уroda, что ли, — проворчал он, — а то вдруг этот разбойник нам еще живым понадобится, а одежду его вы уже испохабите. И что тогда? Тратить на эту мразь деньги? Чьи? Ваши?

Стрелки моментом вяли. Все же материальный стимул — один из самых действенных.

Отвязали.

Раздели.

Снова привязали. Только уже в одних не первой свежести кальсонах, которые тут называют брэ.

Окатили холодной водой из ведра, приводя в чувство.

— Что вы здесь делали? — спросил Саншо пленного.

Тот в ответ ему через крошево ломаных зубов прошипел слабо разборчиво что-то типа «нихт ферштейн».

Ага... «Моя твоя не понимай» — знакомая песня. Интересно, скоро ли он запоет нам про «не имеешь права»? За Штриттматера я им матку наизнанку выверну. Ишь, додумались: меня без артиллерии оставить на пороге гражданской войны.

— А меня понимаешь? — спросил его на хохдойче?

— Я... Я-я... — бормочет, соглашаясь, кивает головой.

Понимает, не отказывается. Глаза злые. Страха в них нет. А есть, между прочим, презрение. К нам. Оригинально.

— Зачем вы пытались лишить жизни моего мастера, подлые убийцы? — заявил я с пафосом и провокацией.

— Мы не убийцы, мы честные палачи. У нас на руках приговор суда, — прохрипел привязанный в ответ и, повысив голос, добавил: — У нас в руках вервие Правосудия.

— Убийцы, убийцы, — повторил я. — Причем убийцы, пойманные с поличным.

Один из стрелков протянул мне мятый пергамент.

— Вот это у него нашли, ваше высочество.

А другой, в это же время, пару раз ударил привязанного пленника под дых, приговаривая:

— «Ваше высочество». Не забывай, скотина, прибавлять «ваше высочество», когда обращаешься к принципу.

То ли этот стрелок немецкий знает, то ли просто догадался, что меня не титулуют соответственно рангу.

— Бросьте его. Пусть говорит как хочет, — сказал я стрелкам, рассматривая документ.

Черт, шрифт готический, я его и в печатном-то виде не люблю, а тут еще почерк у писарчука... Не сказать чтобы некрасивый, да уж больно витиеватый. Разбирать эти каракули придется долго.

Печать на приговоре стоит фрейграфа города Малина. Маскируются под фрейгерихт, конспираторы.

— И что это за *filykina gramota*? — спрашиваю его, потрясая документом.

— Приговор о лишении жизни партача Уве Штриттматера за колдовство.

— Угу... — только и нашел я что из себя выдавить.

А что тут еще скажешь? Коротко и ясно. В первом приближении. А вот если разбираться, то слово «колдовство» может означать все что угодно.

— В чем это колдовство состояло?

— Он постоянно бормотал непонятные добрым христианам заклинания, когда составлял шихту для плавки. И потом — его колокола звонили лучше, чем у других. Таким образом, он с дьявольского попуска отбирал законный заработок у честных городских мастеров.

Смотрю в его глаза и вижу, что этот чувак искренне верит во все, что говорит.

— Ты сам это видел?

— Нет. Но за обвинителя поклялись десять человек, в том, что он говорит правду.

— Знаешь, кто обвинитель?

— Нет, я — Ганс Эйхе, наемный палач Фемгерихта. Я не вникаю в суть дела. Для меня существует только приговор. Письменный. Я всегда действую строго по праву.

— Ты знал лично Уве Штриттматера?

— Нет.

— Кто его опознавал?

— Шеффен из цеха литейщиков. Ваши люди его уже убили.

— Понимаешь ли ты, что этот приговор города Малина, — я кинул на стол пергамент, — здесь, в Бретани, недействителен. И кто тут виноват, а кто нет, решают дюк и епископ? А кто колдун, решает святая инквизиция матери на-

шей апостольской католической церкви, а не ваш фрейграф, который тут никто и зовут его никак.

— Это не имеет значения, — прохрипел допрашиваемый, — приговор должен быть исполнен хоть на краю земли.

Ага... вот и забавная формулировка, дающая им полное право не преследовать приговоренного за морем.

— Ну так знай: на этой земле вы не палачи, а простые убийцы. И поступят с вами соответственно вашему преступлению.

— Я готов, — твердо сказал пленный. — Я готов в любое время предстать перед Господом и дать ему ответ в каждом своем поступке. Надеюсь, перед смертью мне дадут исповедаться и собороваться?

Крепкий орешек, уважаю. Хоть он и служит организации, из которой выросли все изуверские течения в Германии, в том числе и мистический национал-социализм.

— Оденьте и отведите его обратно. И закуйте в колодки. Он не раскаялся в своем преступлении, — сказал я стрелкам. — И ведите второго.

Молчащий все это время дон Саншо только спросил меня, когда Эйхе стали одевать:

— Ну и что это было?

— Фема, — ответил я. — На столе — ее приговор мастеру Уве. А эти — ее палачи. Помнишь разговор на барке в первый вечер?

— Так почему ты его тогда не стал пытаться? — Дон Саншо был в некотором недоумении.

— Незачем. Он и так все, что знал, мне сказал. Давай слушаем второго.

Ну и денек выдался мне на события и происшествия. Богатый. И чую, это еще не конец.

Стрелки приволокли второго адепта тайной террористической организации Средневековья. Ассасины христианские, блин. Этот дойч выглядел лучше, был менее покоцанным. По крайней мере, зубы у него были целыми, и на ногах он стоял сам.

Его быстренько раздели и привязали к импровизированной дыбе.

Мэтр Дюран внес широкую короткую доску и, положив ее поперек ванной, ушел. Впрочем, отсутствовал недолго и

вернулся с глубокой медной сковородкой на длинной деревянной ручке. В сковородке переливались огоньками свежие угли. Установив импровизированную жаровню на доску, он рядом положил парочку железных спиц — все железо, на которое ему жаба расход подписала. И встал там же. Все же его любопытство пересилило страх. Развлечений в городе мало. Из последних — только пожар в порту.

— Мэтр, ты свободен, — сказал ему дон Саншо.

Уходил хозяин постоянного двора из своей ванной комнаты неохотно. Но нам лишние свидетели не нужны. И Саншо поставил часового у двери со стороны коридора. Чтоб не только не подглядывали, но даже не подслушивали.

— Имя? — приступил я к допросу сразу на хойке.

— Иоганн Грау, — вскинув голову, гордо назвалсЯ дойч.

Клоун, ей-богу, он бы еще «Орленка» запел. Но, несмотря на гордый вид, отвечает пока охотно.

— Сословие?

— Третье. Бюргер из Малина.

— Род занятий?

— Мастер цеха плотников.

— Как здесь оказался?

— Я шеффен. Выполнял приказ суда.

— Шеффенов много: я спрашиваю, почему именно ты здесь оказался? — Если честно, то они меня уже начинают раздражать.

— Мой жребий был.

Ага... голубчик, врать начал. Шеффены — палачи, как я помню из собственных исторических штудий, всегда были добровольцами. А вот что врет — это хорошо. Значит, жить хочет. В его случае никакая правда самой Феме повредить никак не сможет. Первая в мире сетевая структура. Головы растут, как у гидры, сколько их ни сноси.

Махнул рукой. И два стрелка синхронно стали бить его плетью по ребрам.

Вой раздался просто волчий.

Впрочем, били его недолго. Так, по парочке плетей от каждого.

— Повторяю вопрос, — я встал, скинув с плеч мантию — жар от углей сильный пошел, а потеть мне не хотелось, — почему ты оказался здесь?

— Я выполнял приказ, — почти выплюнул Иоганн слова.

Истерит клиент, что очень даже хорошо. Хуже было бы, если бы он в апатию ушел. Процесс пошел, как любил говаривать Михаил Сергеевич Горбачев.

Ох, до чего же противно все это — людей пытаться. Я бы его и так расколосил, просто на логике, но времени истратил бы больше. Профессии историка и следователя, считай, одинаковые, только историк имеет дело с уже умершими фигурантами. Но на меня и так с недоуменным непониманием смотрят не только дон Саншо, но и его стрелки.

И гормоны в молодом теле бурлят. Так и хочется самолично этому дойчу морду разбить.

В кровь.

В смазь.

Подожел к пленнику и, пристально глядя ему в глаза, спросил:

— Правое или левое?

— Не понял? — забегал дойч глазками.

— А ты не понимай, ты отвечай: правое или левое?

— Ну, левое... — Мог бы мастер Грау пожать плечами — пожал бы.

Я вынул из ножен свой понтовый золотой кортик и отрезал ему левое ухо, которое на удивление очень легко отделилось от головы.

После того как он перестал подвывать-поскуливать, я ему это ухо показал, приговаривая:

— Ты сам выбрал.

Бросил его ухо на пол, чтобы он его видел, и наступил на него сапогом, с поворотом. Золотая шпора сверкнула сотней зайчиков от светильников.

— Понял?

Тот кивнул, насколько смог, насколько позволяла поза растянутого на импровизированной дыбе тела.

Подожел снова к нему почти вплотную, посмотрел прямо в белесые глаза и кольнул его кортиком через брэ в пах.

— Правое или левое? — спросил, не отпуская его взгляд.

— Что вы от меня хотите? — завизжал мастер Грау. — Я все скажу! Все что хотите скажу!!!

— Вот и все, — сказал я, поворачиваясь к удивленному дону Саншо, — и долго пытаться не надо. Позови Микала с

писчими принадлежностями, пусть составит протокол, как положено. Все должно быть по закону.

— А он сможет? — не поверил инфант.

— Сможет. Его готовили к принятию духовного сана, но он не захотел.

— А ты куда? — спросил дон Саншо.

— Поспать немного, брат. Меня сегодня эти переговоры на высшем уровне просто вымотали. Целый день ни словечка в простоте. Ходил как по лезвию бритвы.

Вошел в свою спальню и показалось мне, что я дверью ошибся.

Мой оруженосец Филипп, закинув ногу на ногу, весело трепался с какой-то девицей, сидящей за столом ко мне спиной. Его улыбочивая рожица, освещаемая трехрогим подсвечником, излучала полное удовольствие процессом.

— Вот ты где, — сказал я, убедившись, что нахожусь все же в своей спальне. — Прими мантию, Филипп.

Оруженосец моментально подорвался, подхватывая на руки тяжелый горностаевый плащ, а обернувшаяся девушка — моя белошвейка, как оказывается, — увидев меня в короне и мантии, с цепью ордена Горностаея на груди, сползла с табурета на колени и сложила ладони у груди, склонив голову. Как на молитве.

Что за новости?

— Что тут происходит? — спрашиваю их вроде как безразлично, а у самого ревность взбрыкивает внутри.

Нет, ну надо же... Девку уводят. Даже не из стойла, а прямо из койки.

— Ничего особенного, сир, — отвечает дамуазо, принимая от меня меч, — просто развлекаю девушку.

Тут объект нашего разговора стал заваливаться на бок, и мы поспешили ее подхватить.

Девушка в обмороке. В полной отключке. Не реагировала даже на легкие пощечины, как моментом среагировала бы любая баба, если она такое на публику разыгрывает. Никому не охота получать по морде, пусть даже в лечебных целях.

— Развлекаешь? — хмыкнул я Филиппу.

— Сир, я сам не понимаю, что с ней, — оправдывается

пацанчик, — только что смеялась над моими шутками. Нормальная была.

— Давай, бери ее за ноги. Положим на кровать. Не на полу же ей валяться?

После того как уложили белошвейку, я снял с себя корону и орденскую цепь, отдал их оруженосцу.

Филипп быстро установил корону на мантии, которую уже успел свернуть и сложить на сундук. И обернул все цепью. Получилось красиво, хоть натюрморт рисуй.

— Подумай, во что все это надежно упаковать на время переезда, — кивнул я на регалии, — и тару подбери соответствующую, чтобы и в море, и в повозку, и на вьючное животное годилась.

И присел на табурет.

Филипп снял с меня сапоги с портянками. Ноги мне сказали: «Ох, как здорово!»

— Портянки в стирку отдай, — напомнил я оруженосцу.

Внутренне скривившись, мой благородный эскудеро все же не посмел что-то мне высказать. А то я не понимаю, что это ему не по чину, но пажа мы отослали в Руан (кстати, как он там? Храни его Господь), и на Микала не спихнуть — нет его в обозримом пространстве — протокол в ванной составляет.

— Свободен. До утра меня не беспокоить, только при пожаре не забудьте вынести в первую очередь. Но будить не надо. Задание понял?

Эскудеро подтверждаяще закивал, пряча улыбку. И выскочил из комнаты.

Встав, я закрыл за ним засов. Доски пола приятно холодили ступни.

Подтащил к кровати трехногий табурет и положил на него клевец и заряженный пистолет, проверив состояние пороха на полке. Пусть будут рядом, под правой рукой. Для моего спокойствия.

Потом разделся до камизы. Нашел большой кувшин с водой и, ополоснув над ночной вазой лицо и места совместного пользования, почувствовал себя готовым к лечению девичьих обмороков.

Встал над белошвейкой и стал тонюсенькой струйкой поливать ее лицо из кувшина. Струйка билась по ее носику,

разлетаясь в свете свечи яркими брызгами, напоминая драгоценности.

Очнувшейся девушке сказал только одно слово:

— Раздевайся.

— Как раздеваться? — удивилась она, округлив глаза.

— Как вчера, — напомнил я ей про нашу ночь безумного секса.

— Это невозможно, ваше величество, — в ее голосе прорезалась мольба, — это вчера я была подмастерьем цеха веселых женщин, а сегодня я добропорядочная горожанка, дочь цехового мастера. Я продала свое место.

— Я не величество, я — высочество, — поправил я, проигнорировав ее сентенции.

— А как же корона, цепь, мантия, меч Правосудия? — залепетала она.

— Это корона инфанта, — просветил бывшую путану, ныне честную белошвейку. — Раздевайся и ложись под одеяло, ибо я спать очень хочу. Свечи не гаси.

Куда деваться — разделась, правда, только до рубашки, и стеснительной мышкой порскнула под одеяло, больше напоминающее перину. Я хую, дорогая редакция... такие метаморфозы, Овидий отдыхает...

Я и по правде очень хотел спать, все же встал сегодня с рассветом и весь день как белка в колесе кувыркался — проблемы решал. Думал, как только голову до подушки донесу, так тут же и вырублюсь. Фигвам — индейское национальное жильё. Усталость усталостью, а юношескую гиперсексуальность надо брать в расчет всегда. Тем более рядом такой раздражитель, как запах женщины. На расстоянии вытянутой руки. Осталось только протянуть эту руку. Не рукоблудием же мне напряжение сбрасывать при наличии такой классной крошки рядом, что бы она там о себе ни воображала.

Все равно, даже после сексотерапии сна как и не было, несмотря на усталость. Бывает так. Бывает. перевозбуждение нервной системы называется. Валериана с пустырником, говорят, хорошо от такого помогает. А нету! Есть только шальные мысли, скачущие по внутренней стороне че-

репной коробки дурными зайцами и прочими хипповыми кроликами Банни.

Жил себе, жил... ну, ладно — доживал, если по гамбургскому счету, старый, больной, одинокий и никому не нужный музейщик. Целый кандидат исторических наук. Заведующий отделом средневековой истории в губернском музее. Получал нищенскую зарплату, которой хватало только на коммунальные услуги и аптеку. На хлеб подрабатывал киношными консультациями и экспертизой антикварного холодного оружия. Никого не трогал. Ничьей зависти не вызывал. Никаких артефактов иных цивилизаций в руках не держал. Лампу Аладдина не то что тереть — в глаза не видел. Как вдруг...

Вместо рая, или ада, или иного какого места на «том свете» спецом для атеистов и агностиков после автокатастрофы оказался я — точнее, даже не я, а только мое сознание — в теле пятнадцатилетнего парня. Красивого парня, хорошо сложенного, почти качка, с золотистыми волосами до плеч. Принца! Без булды, настоящего принца княжества Виана, наследника престола королевства Наварра. Мечты сбываются... и никакого «Газпрома». Даже никаких высших сил, которые бы мне объяснили, за что мне такой подарок?

«Я мыслю, значит, существую», — как-то обмолвился Рене — третий сын в бедной дворянской семье де Карт и случайный придворный шведской королевы, лет сто как тому вперед. Нет... неправильно. Не так он сказал. Шсас припомню и дам вам точную картезианскую цитату: «Сомнение — достоверный факт, оно существует лишь поскольку существует мышление, поскольку существую я сам в качестве мыслящего: я мыслю, следовательно, я существую...» Вот именно, «следовательно»... а не «значит». Ничего не значит, потому как человек всего лишь «труп, отягощенный душонкой». Или наоборот — «душа, отягощенная трупом». И мне совсем без разницы, чей это труп — мой или еще кого. Мне мой привычней, а молодой — соблазнительней. С кучей возможностей и бонусов. Впрочем, всё в этом мире нам дано напрокат на короткое время: и имущественное, и материальное, и место проживания — планета Земля, и даже тело человека дано ему напрокат, вместе с ливером... даже душа — и та напрокат, всего лишь до смерти, потому

что далее — ничто! «Из праха ты вышел и в прах обратишься». Легко только тем, кто верит в бессмертие души. Или руками стирать любит.

Вторая жизнь, которую поднесли мне на блюдечке с голубой каемочкой. Тоже напрокат.

Жизнь попаданца, как сейчас про такое говорят. Даже целый раздел есть такой в фантастической литературе. Только там все больше про Сталина пишут или русско-японскую войну. Избывают национальные пораженческие комплексы. А я тут торчу, в пятнадцатом веке, за десять лет до открытия Колумбом Америки. Охудеть, дорогая редакция...

И через год после коронации меня должны отравить. Так записано в «Хрониках Гаскони». Нет в жизни счастья. Любой дефицит обременен никому не нужным товаром, все как в советском продуктовом наборе к празднику.

И ведь ни с кем тут своей проблемой мне не поделиться — квалифицируют как бесноватого и на костре сожгут. Кто вселяется в тела добрых католиков? Все знают. Бес!

А бес на поверку — всего лишь придурковатый попаданец, считающий аборигенов глупыми только потому, что они айфона не видели.

Только вот не глупее нас предки. И знают не меньше нашего. Просто знания у них другие. Дай мне топор и отправь в тайгу — долго я там выживу? А русский мужик во все времена с одним топором не только выжил, но и великую империю построил, пока его не коллективизировали.

Вывод? Забыть, как меня звали в прошлой жизни, и впредь даже про себя именоваться только Франциском по кличке Фебус. Я даже не Штирлиц, потому как нет у меня Центра. Я работаю только на себя. И нет у меня другого пути, кроме как лезть на наваррский трон. При этом не дать себя отравить. Любая альтернатива ведет к смерти. А я уже умирал. Больше не хочется.

И плевать мне, каким образом кто-то все это сотворил: сугубо научно темпораномолекулярно, с помощью примитивной магии или Божественного промысла. Мне дали шанс прожить еще одну жизнь. Практически с начала. Не в хлеву, не рабом на галерах, даже не феодалом в сельской глуши, где единственное развлечение — охота и право первой ночи. Я без пяти минут король басков, путь и не всех ба-

сков, а только их части. О чем мечтают баски в моем третьем тысячелетии? О своем национальном государстве. Вот и появилась в моей новой жизни достойная цель. А тем, кто меня сюда зашвырнул, просто скажем спасибо.

Капеллан у герцога бретонского по сравнению с падре Дени из шато Божэ был слабоват. Во всем слабоват, но главное — в голосе. Не Шаляпин ни разу. Все его богослужение — обычный поповский бубнёж с попытками подпевки тонким козлиным голосочком. Надо будет у себя в королевстве церковные хоры завести из детских голосов, чтобы всем со скуки не сдыхать на мессах. Вроде бы уже практикуют тут такое. В Риме, в папской капелле, мальчишек даже кастрируют, чтобы ангельскую тонкость голоса не теряли с возрастом. И оргán не забыть изобрести. Баха Иоганна Себастьяна, конечно, у меня не будет — такие гении раз в тысячелетие рождаются. Но не оскудела же земля басков талантами? Хоть музыку послушать, раз уж в костеле время терять по протоколу обязательно. Но это потом, все потом, когда выживем.

Капелла была забита битком, но благодаря очень высоким потолкам душно не было. Кроме нашей банды в полном составе на мероприятии присутствовали все придворные обоих герцогов. Как и сами ВИП-персоны.

В том числе и Антуанетта де Меньеле, дама де Виллекё — законная любовница местного герцога, почтила всех своим присутствием. Высокая по местным меркам, едва ли не выше самого герцога Франциска II. Красива. Намного краше «тети», если положить руку на сердце. Не столько даже чертами лица, сколько неуловимым шармом, располагающим к ней мужской пол, и мало того, вызывающим неодолимое плотское влечение. А в совмещении с ее запредельной верностью герцогу это была гремучая смесь.

Выглядела она лет на сорок, а сколько ей исполнилось на самом деле, не знал никто. Известно только, что она сменила в постели французского короля Шарля VII свою кузину Агнессу Сорель после ее смерти. А после смерти самого короля успела отметиться в постели юного Паука Луи, как только тот залез на трон франков под номером одиннадцать. Но к своим годам она сохранила стройную фигуру и удиви-

тельную свежесть лица. Разве что носогубные морщинки да «лапки» вокруг глаз выдавали ее возраст. Носила она откровенно красивую высокую прическу, которая в остальных европейских землях еще не скоро станет модной.

Как рассказал мне мой шут, вернувшийся на постоянный двор ранним утром и сопровождавший меня на богослужение, кавалерственная дама ордена Горностаева объявилась при бретонском дворе весьма нетривиально — как шпионка Паука, потому как Бретань выбрали своим убежищем все мятежные принцы Франции. Отсюда как с Дона — выдачи не было.

Франциск Бретонский бабник был еще тот; как только увидел новую красотку, сам полез в «медовую ловушку» с энтузиазмом, строевым шагом и с песней. В первый же вечер повел ее показывать только что отстроенное крыло своего дворца. Завел в спальню и ничтоже сумняшеся, сославшись на позднее время, предложил ей лечь в постель.

Поначалу дама Антуанетта исправно слала «шифровки» в Центр, но потом они стали приходить все реже, пересказывая в основном только обычные придворные сплетни. Идиллия продолжалась до тех пор, пока Паук одним прекрасным утром стороной не узнал, что Антуанетта заложила ростовщикам все свои драгоценности, чтобы пополнить казну бретонского герцога для войны с ним же самим, королем Франции. Только тогда он и осознал, что все сплетни про взаимную любовь своей шпионки и бретонского герцога — не ловкая игра авантюристки, а самая что ни на есть горькая правда. Для него. Поручения поручениями, но чтобы добровольно расстаться с собственными украшениями, нужно иметь очень серьезное чувство, так как обычно фаворитки тянут драгметаллы с камушками только в одну сторону — к себе.

А сам я подумал, что герцог все же, при всей своей клоунаде, настолько умен, что не прекратил сразу переписку своей пассии с Пауком, а использовал этот канал для втюживания последнему тонко закрученной дезы.

После смерти первой жены герцога — Маргариты де Дрё (дочери Франциска I, герцога Бретани, и шотландской принцессы Изабеллы Стюарт), через брак с которой Франциск II — тогда еще граф де Монфор д'Амори, и получил

герцогскую корону, все ждали, что следующей женой герцога обязательно станет дама Антуанетта — душа и сердце герцога. Но герцог неожиданно для всех женился на моей тете. И ходят слухи, что тетю в качестве невесты для своего любовника выбрала именно Антуанетта. Чудны дела твои, Господи.

В церкви этот серый кардинал в юбке стояла рядом с герцогиней, как ее первая статс-дама. Со мной она только раскланялась, не сделав даже попытки заговорить. Ни во время богослужения, ни после него, когда нас представляли друг другу.

Но, слава богу, торжественный молебен в его честь закончился довольно быстро. Православные службы, насколько я помню, тянутся дольше. И во время них приходится быть исключительно на ногах, а тут хоть присесть можно. Все же Запад — родина комфорта.

После молебна в той же капелле мой шут дю Валлон в присутствии бретонских придворных принес мне фуа и тесный оммаж, что не будет у него других государей, кроме меня. Вот я и получил своего первого настоящего вассала. Шута, блин!

Свой новый прикид мой шут приобрел себе сам, пока в отрыве от коллектива по городу шлялся. Шелковый. Я ему пообещал восполнить эти затраты.

За завтраком Франциск II предложил мне:

— Дорогой племянник, если тебе нужны корабли, то я их дам, сколько тебе будет нужно.

— Спасибо, дядя, — ответил я ему, — но у меня уже заброшены авансы на один корабль, который возьмет разом всех наших лошадей. Не хотелось бы мне дробить свою банду. Она и так небольшая.

— Как скажешь. По крайней мере, мои боевые нефы проводят тебя через те воды, где могут на тебя напасть корабли франков, — пообещал он. — Мне так будет спокойнее. Но если что еще будет нужно — только скажи.

Тетя сидела напротив и благосклонно смотрела на нас, мирно беседующих родственников, радуясь. Создавалось такое впечатление, что я для нее как бы родной сын, кото-

рого она вырастила такого умного и красивого, а теперь публично гордится им.

Хорошо иметь союзников, пусть даже с экзотическими тараканами в голове, как у этого герцога. И я тут же стал ковать, пока горячо:

— Ничего особого мне не надо, дядя... Разве что мастера нужны — сверлильщики, механики. Или стекольщики, которым надоело бусы варить, и душа желает чего-то эдакого, того, что раньше никто не делал. Можно даже не цеховых мастеров — они от твоей земли зад не поднимут, им и так у тебя хорошо и удобно. Достаточно подмастерьев опытом уровня мастера, которым не светит вступить в цех — денег, к примеру, не хватает на взнос или зажимают талант... Работать они будут на меня.

Герцог что-то покрутил в голове и изрек:

— Я скажу эконому, он тут всех знает. Может, кого и соблазнит твоим южным солнцем. Кстати, тебя не смутит такое новое поветрие среди наших подмастерьев — праздновать понедельник? Одного воскресенья им, видите ли, мало.

— Многодетность тоже приветствуется, — добавил я.

Герцог непроизвольно фыркнул, улыбнувшись. Оценил шутку, хотя я исходил из тех соображений, что родным детям мастер передаст все секреты своего ремесла намного охотнее, чем приставленным к нему ученикам.

— По нашим законам, — пришла мне на помощь тетя, — подмастерье не может жениться, пока не сдаст экзамен на мастера.

— Но все-таки я опасуюсь за тебя. — Тон герцога сочился родственной заботой. — Может, послать с тобой отряд моих башелье в счет их вассальной службы? Сорок дней — не так много, но на первое время, пока ты там осматриваешься, хватит. И тебе не накладно для кошелька будет. А туда и обратно их отвезет мой корабль.

— Тогда — лучников, — ответил я, добавив: — Валлийцев.

— С длинными луками? — усмехнулся Франциск. — Желаешь устроить в Наварре второй Азенкур своим идалго?

— Нет. Планов, достойных Цезаря, у меня пока не водится. Просто с лучниками мне будет проще, чем с незнако-

мыми бакалаврами, которые станут пальцы гнуть не по делу на каждом шагу.

— Что гнуть? — не понял герцог и даже оторвался от фазаньей ножки.

— Ну, там... — сам я при этом покрутил растопыренными пальцами, — знатностью своей мериться начнут с моими людьми. Приказы обсуждать: мол, для кавальера одно низко, а другое неприемлемо, когда действовать надо быстро и не рассуждая.

— Тоже верно, — согласился со мной Франциск. — Но у меня не так много валлийцев — всего три десятка на службе. Было больше, но те уехали домой заработок отвозить. Вряд ли их нужно ждать раньше весны — должны же они когда-то и детей делать... Но можно самим скататься через пролив и нанять желающих прямо на месте.

Герцог при этом хитровато улыбнулся.

— Этого количества мне будет пока вполне достаточно, чтобы нормально добраться до дома, — попытался я его успокоить.

— Только они у меня все пешие, — предупредил герцог.

— Эта проблема легко решается на месте, дядя. Им же не нужны дорогие кони. Так что вполне обойдутся резвыми мулами. Или поедут на телегах.

— Хорошо, коли так, — кивнул головой Франциск. — Если ты, дорогой племянничек, валлийцам еще долю в добыче пообещаешь, то, считай, они твои навеки.

Герцог Орлеанский сидел на другом конце стола рядом с дамой Антуанеттой и развлекал ее светским разговором. В нашу беседу он даже не пытался втиснуться, хотя взгляд время от времени бросал в нашу сторону.

Посыльный скороход от банкира Вельзера ждал меня у ворот герцогского замка, у моста со стороны города, с просьбой от своего хозяина удостоить его сегодня аудиенцией. Устная просьба, переданная скороходом, была подкреплена собственноручной мэтра Иммануила запиской на латыни о том же.

Я ответил, что с удовольствием сегодня выпью кофе у банкира дома. После обеда. И познакомлю его еще с одним

рецептом этого напитка. Последнее сказал для того, чтобы банкир ждал меня с нетерпением.

Больше никаких происшествий по дороге к постоялому двору не случилось, не считая того, что шут мне все уши прожужжал местными сплетнями, которые он за эти дни не только собрал в городе, но и аккуратно классифицировал. Но ничего особо любопытного он мне не сообщил, кроме того, что порт начали освобождать от горелых кораблей.

— Да, и вчера вечером прошли мимо города в сторону моря две боевые галеры под белым флагом с лилиями, — добавил он напоследок, — весел на пятнадцать—семнадцать с одного борта. Но на каждой видели по два десятка лучников.

Не очень большие галеры, прикинул я, тип «река— море», или «ни река — ни море».

На постоялом дворе Уве Штритматер, сидя на пороге сарайчика, коротал время за беседой с часовщиком Тиссо, который пристроился напротив литейщика на чурбаке. Мастера попутно заправлялись местным сидром, поставив большие кружки на перевернутый пустой бочонок.

Дети литейщика играли около конюшни во что-то очень похожее на русские салочки.

Когда я спешивался, старший сын поспешил подхватить моего коня под уздцы.

Часовщик с литейщиком встали и поклонились. Мэтр Тиссо точно ко мне пожаловал — удостоверился я, еще ничего от него не услышав.

— Ваше высочество, Элен сказала мне прийти, — распрямившись, произнес он нейтральным тоном. И ждет, что будет дальше.

Элен — это имя моей белошвейки, как я выяснил ночью.

— Тебя позовут, — сказал я часовщику и направился к крыльцу гостиницы, по дороге посматривая, как мое копые из Фуа меняет в расположении любезно одолженный герцогом караул из трех жандармов и шести арбалетчиков в белых коттах с черными «горностаями».

Бретонские гвардейцы верхами построились колонной по два и, поприветствовав меня, стоящего на крыльце,

ускакали за ворота. Их служба здесь кончилась. Спасибо тете за заботу.

В моей спальне коротала одиночество с иголкой моя беллошвейка. Услышав открывающуюся дверь, она вскочила и приветствовала меня в реверансе. Весь стол за ее спиной был завален шелковым лоскутом.

На кровати были выложены уже готовые брэ и камиза из тонкого шелка нежно-кремового оттенка. Мне понравилось, несмотря на то что труселя оказались по местной моде намного ниже колен. Это белье навело меня на определенные мысли.

— Филипп, — подозвал я следующего за мной в кильватере эскудеро, — прикажи хозяину приготовить для меня ванну. Когда будем мыться, встань снаружи у двери и никого не пускай туда. Понял?

— Ну, Ленка, хвались работой, — обратился я к девушке, когда оруженосец ушел. — И встань нормально, ты еще не моя придворная, чтобы часами стоять так враскоряку.

Девушка смутилась, но приказ выполнила.

— Ты ела?

— Нет еще, сир, — потупилась девушка.

М-да... придворной ей быть хочется, как из пушки. Но не получится. Максимум — прислужой при дворе. Так же, как любовница д'Артаньяна — Констанция, жена галантерейщика Буонасье, служила кастеляншей самой французской королеве, но тем не менее состояла в третьем сословии. Каковы времена, таковы и нравы. И еще она желает уехать подальше от Нанта, где все знают о ее бывшей профессии. Ей очень хочется снова стать порядочной женщиной. Желательно при этом избежать пребывания в доме кающихся Магдалин.

Так в царской России деревенские девушки из Эстонии зарабатывали себе на приданое проституцией в Петербурге. Как правило, на корову. Женихи об этом прекрасно знали, но телка им была важнее целки.

— Иди поешь, — отослал я ее. — А потом пригляди за приготовлением ванны. И чтобы мыло там было хорошим — хозяин обещал, и губка настоящая морская не повредит.

— А мерить белье вы не будете, сир? Вдруг ушить где понадобится? — И лукаво улыбается со смешинками в глазах.

— После купания обязательно примерю. И даже носить буду. Ступай и позови мне по дороге Филиппа.

Оставшись один, приготовил мизансцену. Накрыл швейный беспорядок на столе скатертью — все же неудобно принцу давать аудиенции в закроечном цехе. Свернул готовое белье в аккуратный сверток. Поставил посередине комнаты стул со спинкой. Накинул на него мантию, горностаевым мехом наружу. Надел на шею орденскую цепь, а на голову — корону. И сел.

Чего-то не хватает... Да, не хватает. Державы, скипетра и толпы придворных лизоблюдов. Представил все это в спальне постоянного двора, и меня пробило на хи-хи.

Явившемуся Филиппу приказал позвать Микала и мастера Уве.

Начнем, помолясь, привыкать к царской работе.

Мастер Уве был потрясен, когда Микал закончил читать допросные листы на шеффенов.

— Я с ним почти пять лет проработал бок о бок, сир. Делил с ним горе и радость, даже последнюю краюху хлеба в плохие времена. Я считал его своим близким другом. В одном доме жили. Жены наши ладили, а дети вместе играли. Он стольким приемам ремесла научился от меня и мог бы еще научиться... Я отказываюсь понимать человеческую натуру, сир. Это выше моего разумения.

У этого честного человека взгляд на мир перевернулся, а ему всего лишь назвали имя того, кто обвинил его в колдовстве.

— Что с ними будет? — напоследок спросил литейщик.

— С шеффенами?

Штриттматер кивнул головой.

— Я этого пока еще не решил, мастер Уве, — ответил я ему честно. — Но без наказания они не останутся, хотя бы потому, что они напали с целью убийства на моего человека. Скорее всего, повесим за шею высоко и коротко, и будут они так висеть, пока не умрут.

— Я бы не хотел их смерти, сир, — неожиданно заявил литейщик. — Господь велел нам прощать.

И процитировал Библию:

— «Мне отмщение и аз воздам».

— Предлагаешь мне отпустить их, чтобы они снова тебя подловили, поймали и повесили?

— Нет, сир, я не настолько святой. Но у вашего родственника, местного дюка, наверняка есть каменоломни или еще какие тяжелые работы, на которых он мог бы их использовать, не убивая до природного конца их жизни — так моя совесть будет спокойна, сир.

— Хорошо. Я учту твоё пожелание при вынесении им приговора. Но тебе придется поменять фамилию, чтобы сбить с толку других добровольных палачей из Малина. Ты славный мастер, и я уверен, что твоё имя еще прогремит.

— Как скажете, сир. — Мастер опустил голову и практически пробубнил себе под нос: — Но как же тогда мне быть с именем, которым меня крестили?

Действительно как? Уве... Ульве... Ольве... Ольвер... Оливер... Оливье... попробовал я на языке разные лингвистические вариации.

Есть!

— Ты всегда будешь знать, что тебя крестили как Уве. Что означает — лезвие. Гордое имя. Но у разных народов есть аналоги одного и того же имени, только звучат они несколько по-разному. На языке франков тебя бы звали Оливье. Мы же тебя будем звать Оливер. Оливер Крупп. Нравится?

Мастер только пожал плечами, когда я ему присвоил самую знаменитую в мое время фамилию из металлургов.

— Как прикажете, сир.

— Выше нос, Оливер. К Богу ты всегда можешь обращаться как Уве, чтобы он не забывал о тебе и любил тебя. А вот для людей ты будешь мастер Оливер Крупп из Беарна. Но так тебя теперь должны называть не только все окружающие, но и жена и дети. Это для твоей же безопасности. К новому имени не так сложно привыкнуть, — заявил я, опираясь на собственный опыт. — В конце концов, те же кастильцы дают своим сыновьям по двенадцать—пятнадцать одинаковых имен зараз, и Бог их как-то отличает друг от друга.

Литейщик поднял голову и посмотрел мне в глаза с надеждой увидеть в них какой-то сакральный смысл своей дальнейшей судьбы.

— Я понимаю, мастер, что вас изводит безделье, но мы пока еще в пути. Обещаю, очень скоро у вас будет много работы. Причем работы срочной. Подумайте над этим рисунком пока, как лучше сделать такую штуку. — И я протянул ему сложенный лист пергамента, на котором между делом накорябал, как мог, чертеж мортиры в четыре калибра с концевой цапфой и пообещал: — На корабле мы с вами все обсудим намного подробнее. Там для этого будет время, которого сейчас у меня практически нет. Идите, успокойте семью.

Как только мастер попятился к двери, меня посетила новая мысль:

— И еще...

Новоявленный Крупп остановился, вопросительно глядя на меня.

— Ваш старший сын интересуется лошадьми: я временно его поставлю личным конюхом под начало Микала.

— Но, сир, конюхов пруд пруди, а хороший подмастерье — товар штучный, — внезапно осмелел мастер.

— Я же не навсегда его забираю. Только на время путешествия. И в конях он должен разбираться не хуже, чем в плавке металла. Стрелять из мортир придется вам. А ваш сын будет при вас старшим ездovým.

— Слушаюсь, сир, — сократился мастер, и Микал вывел его из комнаты.

Да, чую — по профессиональным вопросам с мастером Круппом придется основательно бодаться в будущем, что в принципе неплохо, потому как любой прогресс возможен только на основе уже существующих технологий и с наличием обученного персонала соответствующей квалификации. Иначе никак. Производительные силы и производственные отношения, мать их ети через колено с Карлом Марксом.

Часовой мастер Тиссо, введенный Микалом, тут же у двери встал на колени.

— Встань и подойди ближе, — сказал я ему.

В ответ он просто прополз несколько шагов вперед, не вставая с колен и не отрывая взгляда с моей короны. Спасибо, моя мудрая тетя, за заботу. Все же материальные выражения символов власти производят на людей бóльшее воз-

действие, чем просто голая информация. И вспомнил, как моя белошвейка бухнулась в обморок при виде короны и мантии, хотя перед этим видела меня во всех позах без всякой одежды и знала, что я — принц.

— Говори, — первое слово было мое.

— Элен сказала мне прийти, ваше высочество. — И он поклонился почти до полу.

— Ты пришел. Слушаю тебя.

Мастер поднял голову.

— Элен сказала, что теперь она служит при вашем дворе и уезжает вместе с вами.

— Это правда. Она теперь камеристка и заведует моим бельем, — подтвердил я его слова.

— Дочь сказала, — мастер сделал ударение на слове «дочь», — что мы можем уехать с ней.

— И это правда. Только на сборы у вас не больше двух дней. Вещей с собой брать — один пароконный воз.

— Но за такой срок дом можно продать только за треть стоимости. Я уже не говорю о мастерской и прочей обстановке...

— А вот мастерскую и инструменты требуется забрать с собой полностью. Но не более двух возов в целом. Сначала грузишь мастерскую. И только потом вещи, на которые осталось место. А насчет дома в Нанте я подумую, что можно будет сделать, чтобы получить за него справедливую цену. В любом случае без жилья в Наварре не останешься.

И прикинул, что это будет очередным поручением Вельзеру. Пусть сейчас выкупает у мастеров дома́ и прочее имущество за справедливую цену минус реальный, не наглый процент, а потом не торопясь это все распродает. Без прибытка не останется.

— Ваше высочество, я тут легко продам свое место в цеху — желающих много, а как у вас там будет с поступлением в цех? — задал часовщик свой главный вопрос.

— Никак.

Часовщик чуть не вскочил на ноги от возмущения, но я жестом отправил его в прежнюю позу.

— В Наварре ты будешь работать в статусе мэтр дель рей. Главное твое дело будет состоять в обучении рабочих моей

мануфактуры и разработке технологий. Цеховых ограничений не будет.

— Но у меня, ваше высочество, есть два сына, десяти и двенадцати лет, которые практически прошли обучение. Зачем мне чужие ученики?

— Затем, что они нужны мне, — придушил я его амбиции.

Посмотрел, как мастер усваивает полученную информацию, и добавил:

— А теперь я готов принять от тебя клятву верности.

Базар на этот раз я пропустить никак не мог — любопытство просто одолело. Впечатлений захотелось. Историк я или где? Половину стрелков назначили в коноводы и отправили с нашими лошадьми в поводу к недостроенному собору, а вторая половина с сержантом сопровождала меня с Филиппом пешком по торговым рядам — карманников шугать.

Пока ехали по улочкам Нанта, я вспоминал, как собственноручно купал в ванной Элен, а потом там же дополнительно небольшим уроком анатомии стимулировал ее на отъезд семьи часовщика с нами. Иначе она могла никогда не увидеть больше родных. Свою клятву верности она принесла мне еще утром. На рассвете. Голенькой, положив одну руку себе на сердце, а вторую — на мое причинное место.

Попутно я обучил ее, как можно добиться качественного оргазма в одиночестве, когда меня нет рядом, а очень хочется. Волшебное слово «клитор» она узнала первой в Европе. Ее клятва верности содержала запрет на сексуальные отношения с другими мужчинами, и я совсем не собирался толкать на подвиги ее неудовлетворенные гормоны. Потому как сексуальная измена монарху здесь превращалась автоматически в измену политическую со всеми вытекающими последствиями. Да и профилактику сифилиса пока еще никто не отменял. Лучшее лекарство от венерических болезней — моногамия.

Трактирщик, кстати, не обманул и добыл для меня вкусно пахнущее нежное венецианское мыло, дающее обильную мягкую пену.

ГЛОССАРИЙ

айчарка — ироничное название HR-менеджеров, специалистов по персоналу.

аллод (*фр.* от *all* — полный и *od* — владение) — земельное владение в частной собственности. Вотчина. Хозяин аллода имел сеньориальную власть в своих землях, но не мог покидать их без ведома своего сеньора. Зато мог их продать.

алькайд — в пограничных районах: командующий замком, его гарнизоном и окрестным населением.

алькальд — в Кастилии: глава муниципального совета из девяти человек — *хунты*. Исполнял судебные, таможенные и финансовые функции в провинциях.

амазоны — одно из средневековых названий негров.

амхарцы — основное население Эфиопии. Несмотря на свою темную кожу, очень сильно внешне отличаются от остального негритянского населения Африки. Амхарский язык принадлежит к семитской группе.

апанаж — земельное владение, фьефы или феодальные права, которые передавались членам королевских семей во временное, чаще всего пожизненное, владение в обмен на вассальную присягу королю.

аптекарьская либра — см. *либра*

аркебуз — арбалет, стреляющий круглыми пулями, известен еще с Древней Греции.

аркебуза — дульнозарядное гладкоствольное ружье с фитильным замком. Имело плоский изогнутый приклад, который брали при стрельбе под мышку. Изобретено в Германии в 1379 г. Калибр ок. 20 мм.

архиепископ — сан архиепископа был более почетным, нежели простого епископа, но права и полномочия в их епархиях были одинаковы.

ассасины (от *араб.* хашиши — употребляющий гашиш) — секта исмаилитов-назаритов, образованная в 1094 г. Хасаном ибн Саббахом, создавшим идеальную организацию убийц-смертников, терроризировавших Среднюю Азию, Левант, Египет, Магриб и юг Европы на протяжении столетий. Услуги своих киллеров секта сдавала всем желающим в наем без различия вероисповедания.

бакалавр (от *лат.* *baccalarius* — вассал вассала) — рыцарь, не являющийся адептом духовно-рыцарских орденов.

аклер — круглый кулачный щит пехотинца. Изготавливался из металла и часто имел вместо умбона шип-кинжал.

бальи (*фр.* *bailli*) — с кон. XII в. в Северной Франции (Лангедойле): должность высшего административного лица в судебном округе (бальяже), но полномочия у него были более широкие, чем только судебные. С XVI в. значение этой должности в управлении королевством падает.

банда (от *лат.* *bandum*) — в Средние века: 1) отдельный отряд рыцарской конницы или пехоты феодальной армии; 2) разношерстные бродячие дружины наемников, предлагавшие свои услуги каждому, кто будет им платить или пообещает богатую добычу; 3) при Людовике XII и его преемниках — отряд пехоты в 500 — 2000 чел. в составе легиона. При Людовике XIII банды переименованы в батальоны; 4) подразделение роты у ландскнехтов; 5) шайка разбойников с большой дороги.

баннера (от *лат.* *banneretus*) — знамя, под которым баннерет собирал подчиненных ему рыцарей (бакалавров).

баннерет — рыцарь (впрочем, не всегда; бывали оруженосцы-баннереты и даже горожане), ведущий в бой других рыцарей и оруженосцев под квадратным знаменем с изображением собственных геральдических символов.

барбют — он же «венетийский салат». Шлем XV — сер. XVI в., творчески переработанная версия спартанского шлема античности. Полусферический в верхней части, он закрывал всю голову до плеч. Имел Y- или T-образный вырез в лицевой стороне. Не препятствовал обзору, дыханию и движениям головы. Был очень популярен у воинов с невысокими доходами.

бармица — кольчужный элемент защиты горла, шеи, верхней части груди и спины, крепящийся на скобы к шлему. Иногда кольчатая бармица использовалась вместо личины. Реже производились лямеллярные бармицы или пластинчатые — «рачий хвост».

барон (лат. *baro* с первоначальным значением — слуга) — частный титул феодального владельца баронии, в которую входило не менее трех рыцарских ленов. Титул барона носили младшие сыновья виконтов и графов без баронии. Барон — крупный владетельный сеньор, изначально непосредственный вассал короля/императора.

баронесса — частный титул жены барона.

бастард — незаконнорожденный. В применении к внебрачным отпрыскам знати это слово в Средние века не имело современного уничижительного смысла. Бастарды знати имели право на родовой герб, но их незаконное происхождение подчеркивалось повернутым влево шлемом и левой перевязью на поле герба.

бастард — меч, который возился прикрепленным к седлу, а не на поясе рыцаря, откуда его ироничное название.

бастида (фр. *bastide*) — 1) каменная или деревянная двух- или трехэтажная сторожевая башня; 2) на юге Франции — укрепленные селения, возникшие во время Столетней войны, с башнями по углам.

бастилия — несколько сторожевых башен, соединенных короткими стенами. Разновидность бастиды. Наиболее знаменита парижская Бастилия во Франции, ставшая именем нарицательным. В Москве в виде Бастилии построен Царицынский дворец.

башелье — французское именование звания *бакалавр*. За Столетнюю войну XIV — XV вв. во Франции появился слой богатых и потомственных башелье.

башелор — английское наименование *бакалавра*. Имел право на обращение «сэр».

бегетерия — в пиренейских королевствах — право населенного пункта или области самим выбирать себе сеньора, произвольно или из определенного рода.

бий — титул на Востоке, равный князю и принцу.

бодигард — телохранитель. Букв. — страж тела (*англ.*).

божии лыцари — рыцари духовных орденов. В тексте романа подразумеваются рыцари орденов Меченосцев и Тевтонского.

братство Святого Иоанна — рыцари Святого Иоанна — военный странноприимный орден Святого Иоанна Иерусалимского, более известный как Мальтийский духовно-рыцарский орден, или орден госпитальеров. В описываемое время орден владел островом Родос в Эгейском море. Поэтому иногда орден называли Родосским. Мальта досталась рыцарям только в XVI в.

бонды — свободные крестьяне в Скандинавии, собственники земли.

болт — арбалетная стрела.

бригантина — парусный двухмачтовый корабль, который нес на фок-мачте прямое, а на грот-мачте — косое (латинское) парусное вооружение.

бригантина, бригандина, бриганта — доспех для корпуса тела из стальных пластин, перекрывающих друг друга краями, на кожаной или тканевой подложке.

брэ — нижнее мужское белье по типу «семейных» трусов длиной ниже колен.

бугивер — деталь рыцарского доспеха, защищающая подбородок и шею. Был как подвижным, так и жестко прикрепленным к доспеху.

бурлет — жгут из ткани или конского волоса, надеваемый на шлем в виде дополнительной защиты или под шлем в качестве амортизатора. Когда крестоносцы стали покрывать свои шлемы наметом, чтобы они меньше нагревались на солнце, то для прижима этих платков к шлему использовали бурлет. Двухцветный (и более) бурлет указывал на «право ливреи» у его носителя.

вагант — вечный студент, переходивший из университета в университет, но нигде не сдававший квалификационного экзамена на докторскую степень. Отличались буйным нравом, пьянством, развратом и сочинительством скабрзных стихов, в которых воспевались плотские наслаждения и нагое женское тело.

валет (*фр.* valet от *кельтск.* vasselet — слуга) — младшее придворное звание в Средние века. Слуга, ответственный за

личные вещи монарха. Приглашенные ко двору специалисты — художники, скульпторы, архитекторы и т.п. носили звание валета. В рыцарской иерархии валет стоит выше пажа, но ниже оруженосца.

васконский язык — баскский язык.

вассальные мурманы — с 840-х гг. викинги осели на Берегу Басков из-за промысла бискайского кита. Были вассальным населением наваррским королям, затем французским. Такой казус, что норманны везде «нагибали» местное население, а вот баски «нагнули» их самих. Викинги здесь жили изолированными общинами, и им запрещали жениться на местных женщинах. Такое положение вещей сохранялось до кон. XVIII в., когда норманнов, как и *каготов*, уравнили в правах с французами. За XIX в. норманны растворились в местном населении.

величество — титул и обращение к императорам, королям, царям и их супругам. В древнем Риме этот титул носили все патриции. Впоследствии — только императоры (Августы и Цезари). В Европе первым стал называться величеством Луи XI (ум. 1483). С 1529 г. этот титул носил Карл V, а затем и все другие монархи. Особый род тяжких уголовных преступлений еще с времен Древнего Рима составляло «оскорбление Величества».

верный (*лат.* *fidelis*) — в пиренейских королевствах: человек, состоящий под покровительством короля или иного сеньора и несущий ему службу, вассал (*vassalus*). И это не только представители знати, но и люди из бегетерий, коллассос и соларьегос.

видам — изначально светский наместник епископа — эконом и управляющий на землях епархии. Впоследствии, сохранив титулование, стали самостоятельными феодальными сеньорами и собственниками тех имений, которыми лишь заведовали. В феодальной иерархии приравнивались к титулу виконта.

викарий (*лат.* *vicarius* — заместитель) — все церковные служители от папы римского до приходского священника имели своих викариев. А сам папа римский считался викарием Христа на земле.

виконт (*фр.* *vicomte*, букв. — заместитель графа) — частный титул европейского дворянства, средний между гра-

фом и бароном. В Испанском королевстве самостоятельным титулом *vicesconde* стали удостаивать только с сер. XVII в., до того времени его носили только сыновья графов.

виллан (*лат. villanus* — принадлежащий к вилле, сельский житель) — категория феодально-зависимого крестьянства в Западной Европе. Вилланы отличались от сервов, как крепостные крестьяне от холопов на Руси. Имели право перехода, свободу брака и наследования имущества.

вилля (*исп. villa*) — огороженный стенами поселок городского типа, в котором главную роль играли не ремесло и торговля, а сельское хозяйство. Вилля имела земельный округ — альфос. От радиуса в 6,5 км в Овьедо до 400 кв. км в Сан-Себастьяне.

вицеконде — виконт (*исп.*)

вицерой — вице-король. Должность и ненаследуемый титул высшего чиновника королевства, как правило, правившего заморскими колониями.

войт — глава местного самоуправления в великом княжестве Литовском. В казачьих городах и местечках атаман возглавлял казачью общину, а войт — посполитую, в которую входили все не являющиеся казаками или черкасами.

высочество — титул и обращение к детям императоров и королей, великим герцогам и великим князьям. И их супругам.

гамбезон (*англ. gambeson*) — вид поддоспешника, но мог носиться и самостоятельно. Появился одновременно с распространением кольчуг. Гамбезон, стеганка, актеон, пурпурэн, жак, жакет и проч. — все они имели одинаковые цели — служить амортизатором ударов по кольчуге и практически одинаковую технологию изготовления с нач. XIV в. Пехотинцы, не имевшие доспехов, часто носили гамбезоны, покрытые кожей, стеганные в 18 — 30 слоев ткани, в которых на излете застревали стрелы. Вплоть до появления огнестрельного оружия — основная защита пехотинца.

гаски — гасконцы. Проживающие во Франции баски.

герцог (*нем. Herzog*) — частный феодальный титул, ниже королевского, но выше маркграфа/маркиза, которых рус-

ская литературная традиция именуется одинаково как герцогов.

гипокрас — обычно красное вино с пряностями; но гипокрасами также называли и ликеры.

Гипускоа — одна из трех исторических провинций Страны Басков.

гитанос — испанское наименование цыган.

гранды (*исп.* grandeza) — высшая знать в Кастильском королевстве с XIII в. Кроме родственников королевского дома объединяла в себе всех *рикос омбрес*, в противоположность низшей знати — *идальго* и *кабальеро*.

Гран дукато Литуания (*исп.* El gran ducado de Lituania) — великое княжество Литовское.

граф (от *лат.* grafio — пишу, писарь) — частный титул, стоящий в феодально-ленной иерархии ниже маркиза/маркиза и выше виконта.

грибовальские пушки — Жан-Батист-Вакет де Грибоваль сеньор Бовелль, французский генерал, в 1776 г. свел французскую артиллерию в стройную унифицированную систему. Разработал многочисленные усовершенствования в материальной части артиллерии.

дага — кинжал для левой руки при фехтовании мечом или шпагой. Клинок узкий, до 50 см длиной, усиленная гарда в виде чашек, дужек или широкой пластины, защищающих руку в отсутствие латной перчатки. Использовались до XVII в.

дама — официальный титул и обращение к женщине — владельнице феодальной сеньории.

дама кавалерственная — женщина, состоящая в рыцарском ордене и посвященная в рыцари.

дама сердца — рыцарский куртуазный культ.

дамуазо (*фр.* damoiseau от *лат.* domicellus) — название сыновей феодальных сеньоров на то время, когда они в качестве пажей и оруженосцев готовятся к принятию рыцарского сана.

дамуазель — дочь феодального сеньора.

денье — серебряная монета весом в 1,3 г, средневековое подражание римскому динарию. Частично, от трети до по-

ловины, состояла из меди. Имела хождение по всей Западной Европе. Английский пенни — подражание денье. 1 денье = 2 оболам. 3 денье = 1 лиарду. 12 денье = 1 гро (грош, шиллинг). 20 денье = 1 солиду. 1 ливр (фунт стерлингов) = 240 денье = 1/4 луидора.

дестриер, декстер, дестриэ — средневековая порода боевых рыцарских коней.

десятина — существовавший с V в. и введенный в Западной Европе как обязательный с VIII в. налог в пользу церкви — десятая часть доходов населения (должен был идти на содержание священнослужителей, храмов, богоугодных заведений и т.п.); в протестантских странах отменен в XVI в., в католических сохранялся до кон. XVIII в.

дирхем — арабская серебряная монета весом от 2,5 до 3,9 г. Имела хождение от Бактрии до Испании. Название произошло от греческой драхмы.

дойчи — самоназвание немцев.

Дом кающихся Магдалин — блудница Мария из Магдалы, исцеленная Иисусом от одержимости бесами, бросила свое постыдное занятие и стала самой верной его сторонницей. По ее имени в Средние века стали так называть женщин, после развратной жизни вернувшихся к труду. Но первоначально они должны были «очиститься» в приюте для «кающихся Магдалин» при женском монастыре. Самые ранние такие приюты были организованы церковью в Вормсе в 1250 г.

дон (*исп.* и *итал.* don, *фр.* и *порт.* dom от *лат.* dominus — господин) — ненаследственный феодальный титул. Ставится перед именем, а не перед фамилией.

дофин — изначально частный владетельный титул правителя государства Дофинэ. По завоеванию Дофинэ Францией (1349) — частный титул наследника французской короны.

дука (*итал.* duca) — герцог. Также произносится как дуче или дож.

дукадо (*исп.* ducado) — герцогство.

дуке (*исп.* ducue) — герцог.

дучеса — герцогиня (*итал.*).

дюк — герцог (*фр.* и *англ.*).

дюкеса — герцогиня (*исп.*).

дюшеса — герцогиня (*фр.* и *англ.*).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Ассасины и неистовые шеффены	5
<i>Глава 2.</i> Герцоги, банкиры, сарацины и мешок перца	31
<i>Глава 3.</i> Долгие провода — лишние слезы	57
<i>Глава 4.</i> Морской круиз по Бискаю	68
<i>Глава 5.</i> Ловец человек	98
<i>Глава 6.</i> Здравствуй, баскское поле, я твой тонкий колосок	131
<i>Глава 7.</i> Нормальные герои всегда идут в обход	151
<i>Глава 8.</i> Охота на не пойми кого	176
<i>Глава 9.</i> Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд	194
<i>Глава 10.</i> Сотворение бастарда	211
<i>Глава 11.</i> Наваррскому флоту — быть	231
<i>Глава 12.</i> Созревший плод	254
<i>Глава 13.</i> Родной язык и единство	272
Г л о с с а р и й	285